УДК 165:001

*КОСЬКОВ С.Н.*

# Мировоззренческая программа и философия науки

В данной статье анализируется проблематика в большей степени философии науки, чем эпистемологии. Это попытка перейти от проблем трансцендентального субъекта к проблематике эмпирического субъекта познания, что в полной мере возможно лишь в рамках субъектно-объектной модели познания и конкретизируется через проблематику конвенциональности и консенсуальности научного познания. Особо выделяется новое философское понятие – мировоззренческая программа, и даётся определение конвенции.

Ключевые слова: мировоззренческая программа, конвенция, консенсус, смыслы, модели познания, философия науки.

Одной из центральных проблем современной философии является переосмысление природы и статуса субъекта научного познания в направлении не только признания принципиально социального характера субъекта научной деятельности, признания за ним не просто активной роли в моделировании познаваемой им реальности, но и творящей научное знание инстанции и вместе с этим научную онтологию.

Наука предстает многомерным, системно организованным объектом, познание которого вне взаимозависимости различных элементов, составляющих культуру, просто невозможно[1]. Современные модели науки учитывают социальный характер субъекта научного познания и научной деятельности[2], фундаментальную роль научных коммуникаций в процессе создания и утверждения научных концепций, первостепенное эпистемологическое значение на всех этапах научного познания введения значительного количества научных конвенций, утверждаемых на основе коллективного научного разума [3].

Изучая научную деятельность, необходимо учитывать не только субъект-объектные отношения, определяемые во многом содержанием изучаемых объектов, но и межсубъектные когнитивные коммуникации[4]. Необходимыми и центральными элементами внутринаучных когнитивных коммуникаций являются разноообразные и многочисленные научные конвенции, предлагаемые и принимаемые (или не принимаемые) членами научного сообщества[5]. Совокупность научных конвенций в отдельной науке или научной дисциплине представляет собой систему достаточно консервативную, но вместе с тем принципиально открытую к введению новых конвенций и изменению или отказу от старых[6]. Механизмом, регулирующим этот процесс, является научный консенсус[7]. Его выработка занимает определенное, иногда длительное время, а на его результат влияют не только логико-эмпирические факторы, но и социальные, мировоззренческие и прагматические установки и предпочтения ученых. Без фундаментальной философской рефлексии природы научных конвенций и их особой роли в процессе научного познания невозможно построить адекватные реальной науке модели ее структуры и развития.

Изучение существенных изменений процесса современного научного познания

и рефлексии этих новаций методологическим сознанием способно дать новые импульсы развитию философского знания. Изучение изменений, происходящих в методологии науки, в особенности в условиях формирования полинарности моделей познания, требует ресурсов различных разделов философского знания – логики, теории познания, философской антропологии, этики и др. – и тем самым выполняет интегрирующую функцию в философии[8]. Анализ эволюции методологического сознания, природы знания и переосмысление статуса познающего субъекта – один из самых важных путей самопознания философии. В эпоху, когда происходит смена типов рациональности, ориентация познавательных процессов не только на истинность и нормативность, но и на различные типы ценностей, особое значение приобретают усилия, направленные на построение систематизирующих и синтезирующих методологических концепций[9].

В отечественной литературе широкое обсуждение вопроса о соотношении ценностного и познавательного началось еще в 60-е годы XX века. Результатом этого обсуждения в рамках марксистской философской парадигмы стал вывод об их нерасторжимой взаимосвязи, о принципиальной включенности ценностно-нормативных компонентов в познавательный процесс и в само знание. Это положение было зафиксировано в работах П.В. Копнина, А.М. Коршунова, К.Л. Любутина и других. Предметом изучения в этих работах были субъект и объект как элементы ценностного отношения вообще, а также социально-исторические цели и идеалы, нормы и представления, в соответствии с которыми субъект осуществляет «отнесение к ценностям» любой, в том числе и познавательной, деятельности. Однако уже в 70-е – 80-е годы XX века в обсуждении этой проблематики наблюдается переход от общих эпистемологических исследований ценностного и познавательного к выявлению конкретных форм, факторов, способов взаимодействия когнитивного и ценностного именно в научном познании (исследования Н.М. Мотрошиловой, П.П. Гайденко, В.С. Библера, В.С. Степина, А.П. Огурцова, Б.Г. Юдина и др.). Несмотря на то, что ценностный подход к научному познанию приобрел сегодня «права гражданства», здесь еще много нерешенных и спорных проблем. В ряду таких проблем – соотношение истины и ценности, соотношение субъективного и объективного в научном знании, способы выдвижения и принятия в науке концепций, претендующих на истинность и универсальность, роль и функции научных конвенций в производстве и динамике научного знания, адекватная оценка конвенционалистских концепций и стратегий в философии и методологии наук (А. Пуанкаре, Р. Карнап, А. Куайн, представители современного радикального конструктивизма П. Вацлавик, Е. Глазерфельд, У. Матурана, Х. фон Ферстер и др.).

В отечественной философской литературе значительное внимание уделяется анализу собственно познавательных ценностей. Ценность науки, по мнению многочисленных исследователей, определяется тем, что она есть высшее, специфически человеческое средство ориентации человека в жизненно-практической сфере[10].

Развитие теории познания, введение новых средств, методов, расширение предметного поля этой области философского знания предполагают трактовку самого познания как процесса, включенного в исторически определенные формы предметно-практической деятельности и коммуникаций[11].

Не последнее место в этом процессе занимает анализ возникновения и развития новых методологических направлений, реализующих поле деятельности эволюционирующего методологического сознания. Конвенциональное принятие и построение научной теории как методологическая норма, как специфика современной науки были признаны всеми ведущими методологами XX века различных направлений. Этому способствовала целая совокупность особенностей современной науки: резкое возрастание абстрактности и степени общности естественнонаучных теорий; использование учеными гипотезы в качестве необходимой и важнейшей формы научного знания; ломка и пересмотр понятий классической науки, казавшихся дотоле абсолютно незыблемыми; отказ от одних фундаментальных понятий,

изменение содержания других; конвенциональность языка, семантики научных терминов; осознание многозначного характера связи теории и эмпирического материала; резкое возрастание значения конкурирующих теорий и в этой связи значения проблемы выбора и значения внеэмпирических критериев оценки теории, простоты, красоты, удобства, изящества и т.д.

Конвенциональное понимание природы научного знания и знания вообще является яркой демонстрацией того факта, что наука – это творение рук человеческих. Этот, казалось бы, простой, даже банальный факт требует своего обоснования с различных позиций. Не случайно, что вопрос конвенциональности научного знания впервые был поднят в конце XIX века в рамках религиозного философствования неогегельянцем и неотомистом Эдуардом Леруа. Сам конвенционализм уходит своими корнями в средневековую концепцию двух родов истин: научные истины, являясь результатом одного из видов человеческой деятельности, не могут быть абсолютом.

Конвенциональная, т.е. человеческая, природа человеческого знания – это то, от чего отказался ранний Гуссерль, это то, к чему пришел поздний Гуссерль, выступая за гуманизацию европейской науки. Это также просматривается в теоретической версии экзистенциализма, впрочем, как и в более ранних направлениях неклассического периода развития философской мысли.

Эти идеи, как ни странно на первый взгляд, ярко раскрываются в позитивистских и близких к ним течениях[12]. Несмотря на их достаточно жесткий сциентизм и достаточно традиционный рационализм, а также интерналистское понимание научного знания, ими тем не менее признается нерациональная компонента в самой структуре научного знания, для выявления которой и служит конвенция[13]. В зависимости от точки зрения автора работа этих конвенций рассматривается на эмпирическом или теоретическом уровне знания.

В качестве рабочего определения «конвенции» можно предложить следующее: конвенция – методологический приём, характеризующий понятие решения в силу необходимости выбора или с целью устранения неопределённости.

Наиболее демонстративно в рамках постпозитивистской методологии науки нерациональный характер научного знания раскрывается в трудах К. Поппера и его многочисленных учеников и сторонников, которые развили самостоятельные идеи, далеко выходящие за рамки школы Поппера[14].

Таким образом, признание конвенциональности научного знания сциентистскими и антисциентистскими философскими направлениями свидетельствует о признании вхождения нерациональных компонентов в структуру научного знания. Причинами этого являются субъект науки, т.е. человек с его исторически меняющимся интересом и исторически меняющийся ценностно-мировоззренческий климат эпохи[15].

Вполне правомерен в этой связи возрастающий интерес к изучению логики научных исследований и выявлению вопросов, имеющих важное значение в дальнейшем исследовании компонентов самой науки, взятых в определенной системе социокультурных ориентаций[16]. Среди них большой интерес представляет проблема вхождения условных элементов, конвенций в структуру строения и функционирования научных теорий.

Интерес к проблеме конвенции в научном познании обусловлен, с одной стороны, бурным развитием современного научного знания, усложнением его структуры, созданием высокоабстрактных теоретических концепций, с другой – ростом методологической рефлексии науки, стремлением науки осознать свои гносеологические основания. Актуальность проблемы функционирования условных соглашений в научном познании определяется также необходимостью методологического анализа современной философии, прежде всего неопозитивизма и постпозитивизма, уделяющих большое внимание данной проблеме, для которых принцип конвенционализма является базовым[17].

Интерес к данной проблематике объясняется и тем, что с углублением познания наблюдается рост удельного веса конвенционального элемента в научном знании. Но это не произвол чистого мышления, а объективная характеристика научного познания.

Как уже отмечалось, конвенция играет важную роль как в процессе научного

поиска, так и в построении теории, и вполне возможно, что позитивная разработка данной проблемы приведет к признанию методологическим сознанием конвенции как общенаучного метода, как познавательной процедуры, включающей в себя целую систему операций. Безусловно, что в самом простом случае конвенция – минимальная структура и минимальная процедура познавательного акта, даже если последний сводится к чисто вербальному акту, что зачастую при увлечении интерпретационным подходом неизбежно. Особенно ярко это раскрывается в понимании разума, теоретического сознания как рефлексивного мышления, опосредованного языком и связанного с ним. Это конкретизируется в вербализированном акте понимания, связанного с рациональной объективацией и конституированием смысла.

Такая постановка вопроса находит своё отражение в новых течениях философии языка, к примеру в трансцендентальном прагматизме К.-О. Апеля[18], где, по сути дела, язык рассматривается как отношение к отношениям, что актуально для проблематики и тематизации субъектно-субъектной модели познания[19]. Эти моменты, связанные с проблемой трансцендентального конституирования интерсубъективно значимого смысла вещей и явлений, усиливаются в современной герменевтической феноменологии при объяснении «установления конвенций между учёными о тематизированных предметах и их исследовательских программах»[20] и являются ключом к проблеме обоснования истинности суждений. Таким образом, «теория познания перестаёт быть классической критикой познания в виде анализа познания и превращается в «критику смысла», основанного на анализе знаков и их значений»[21].

Это предполагает и иное рассмотрение соотношения познавательной и коммуникативной функции языка – не как их сочетания или простого взаимодействия, а как единого процесса в познавательных процедурах, в общении, в экзистенциальном разговоре, в артикуляции мира и т.д.

Итак, каковы возможности и границы конвенционалистского истолкования природы научного знания? Конвенционалисты, безусловно, правы, считая, что решение вопроса об истинности любой научной гипотезы или теории помимо их соответствия определенному набору эмпирических, теоретических и логических критериев требует от ученого принятия соответствующего когнитивного решения. Однако с ними трудно согласиться в том, что субъектом такого решения выступает отдельный ученый, а не соответствующее научное сообщество.

Реальным субъектом научного познания выступает именно научный коллектив, состоящий из множества отдельных ученых, которые хотя и объединены единым предметом исследования, но тем не менее с экзистенциональной точки зрения являются свободными и независимыми личностями[22].

Более того, в современной мировой науке положение таково, что члены одного и того же дисциплинарного сообщества существенно распределены в пространстве и часто вообще не знакомы друг с другом. Что же их связывает друг с другом и делает единым коллективным субъектом научного познания? Ответ прост: густая сеть информационных каналов и когнитивных связей между отдельными учеными, причем часто неформальных и социально анонимных, то есть специально не фиксируемых и не регулируемых из какого-то центра.

Результатом этих коммуникаций внутри коллективного субъекта науки является достижение среди его членов определенного консенсуса в отношении истинности, доказанности, однозначности и эффективности той или иной концепции или гипотезы. В отличие от научных конвенций, являющихся результатом сознательно-договорного и рационально контролируемого поведения ученых относительно истинности некоторого высказывания или теории, научный консенсус является итогом длительных переговоров, дискуссий, а нередко и столкновения позиций ученых во время этого во многом стихийного и социального по своей сути познавательного процесса.

Существенную роль в достижении научного консенсуса играет позиция ведущих ученых в соответствующей области научного знания, ее наиболее авторитетных экспертов. Если научная конвенция – дело личной ответственности отдельного ученого, то научный консенсус – коллективное действие

дисциплинарного научного сообщества и его коллективная ответственность за признание некоторой теории истинной, научной или даже лженаучной[23].

Таким образом, различия в основаниях и механизме принятия когнитивных решений при конвенционалистском и консенсуалистском подходах весьма существенны.

Соответственно этим различиям научная истина при конвенционалистской трактовке механизма ее принятия имеет явно субъективистский характер, тогда как при консенсуалистском подходе она имеет коллективный, объективно-общезначимый статус в силу самой природы консенсуса. В обоих случаях научная истина признается имеющей условный и относительный характер, но только во втором случае она приобретает еще и такие свойства, как объективность, социальность и историчность, что полностью соответствует реальному процессу развития научного познания.

[1] Лебедев С.А., Ильин В.В. Метафилософия // Философские науки. 2006. № 2. С. 113–123.

[2] Алексеева И.Ю. Модели философии // Философские науки. 2012. № 9. С. 69–78.

[3] Коськов С.Н., Лебедев С.А. Конвенционализм как синтез рациональности и антропологичности научного знания // Вестник МГУ. Серия 7. Философия. 2009. № 5.

[4] Лебедев С.А. Философские измерения науки // Новое в психопедагогических исследованиях. 2010. № 1.

[5] Коськов С.Н. Конвенции и метафоры // Вестник МГУ. 2009. № 3.

[6] Коськов С.Н. Взаимодополняемость семантических конвенций и метафор в языке науки // Вестник МГУ. Серия 7. Философия. 1991. № 1.

[7] Лебедев С.А. Философия науки. Краткая энциклопедия. М.: Академ. проект, 2008. С. 704.

[8] Коськов С.Н. Конвенционализм и проблемы современной философии науки // Среднерусский вестник общественных наук. 2009. № 3.

[9] Коськов С.Н. Субъектно-объектная природа научного познания. М.: МГУ, 2007.

[10] Кондаков И.В. Мировое сообщество как соревнование глобалитетов //Вестник РАЕН. 2006. Т. 6. № 2. С. 1–14.

[11] Микешина Л.А. Философия познания. М.: Прогресс-Традиция, 2002.

[12] Алексеев А.П. Философский текст: идеи, аргументации, образы. М., 2006.

[13] Миронов В.В. Сциентизм и антисциентизм как типы мировоззренческой ориентации современной науки //Методологические проблемы исследования природных и социальных явлений. М.: МГУ, 1985.

[14] Ильин В.В. Философия науки. М.: МГУ, 2003.

[15] Казарян В.П. Философские основания теории относительности //Философские основания естествознания. М., 1977.

[16] Герасимова И.А. Феномен аргументации // Эпистемология и философия науки. 2009. Т. 21. № 3. С. 5–13.

[17] Коськов С.Н. Начало и истоки конвенционалистской методологии науки // Новое в психолого-педагогических исследованиях. Москва – Воронеж, 2009.

[18] Апель К.-О. Трансформация философии. М., 2001.

[19] Соболева М.Е. Трансцендентальный прагматизм К.-О. Апеля. Проблема языка // Вопросы философии. 2005. № 12.

[20] Соболева М.Е. Возможна ли метафизика в эпоху постмодерна? К концепции трансцендентального прагматизма Карла-Отто Апеля // Вопросы философии. 2002. № 7. С.143–154.

[21] Соболева М.Е. Интенциональность – коммуникация – язык. Проблема последовательности //Вопросы философии. 2005. № 1.

[22] Никитина Е.А. Субъект познания, когнитивная культура личности // Ценности и смыслы. 2011. № 7.

[23] Лебедев С.А. Философия науки. Краткая энциклопедия. М.: Академ. проект, 2008.